

СЕРГЕЙ ГЕННАДЬЕВИЧ ВЕРИГИН

доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории Института истории, политических и социальных наук
Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Российская Федерация)
verigin@petrsu.ru

ИЗ ИСТОРИИ КАРЕЛЬСКОГО ПОДПОЛЬЯ: СУДЬБА АНДРЕЯ ЭРТЭ

А н н о т а ц и я . Статья о члене подпольного Петрозаводского горкома КП(б) Карело-Финской ССР Андрее Петровиче Эртэ подготовлена на основе архивных документов из фондов Архива Управления Федеральной службы безопасности России по Республике Карелия, многие из которых были раскритикованы только в 2025 году и впервые вводятся в научный оборот. Основное внимание уделяется заброске группы подпольщиков за линию фронта, аресту Андрея Эртэ и его товарищей финскими солдатами, суду над подпольщиками и отбыванию ими наказания в финских тюрьмах на территории оккупированной Карелии и в Финляндии в 1943–1944 годах. Рассматриваются причины, по которым после возвращения на Родину осенью 1944 года Андрей Эртэ был осужден уже советским судом и отбывал наказание в исправительно-трудовых лагерях ГУЛАГа НКВД СССР. На основе тщательного анализа архивных документов автор обосновывает тезис о том, что решающую роль в реабилитации подпольщика и снятии с него обвинений в измене Родине в 1960 году сыграл первый секретарь ЦК ЛКСМ КФССР Ю. В. Андропов. Статья вносит существенный вклад в российскую историографию отечественных спецслужб периода Великой Отечественной войны.

К л ю ч е в ы е с л о в а : Андрей Эртэ, подпольщик, Великая Отечественная война, Карельский фронт, советская разведка, финская контрразведка

Д л я ц и т и р о в а н и я : Веригин С. Г. Из истории карельского подполья: судьба Андрея Эртэ // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2026. Т. 48, № 2. С. 28–37. DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1277

ВВЕДЕНИЕ

Жизнь и судьба Андрея Петровича Эртэ – члена Петрозаводского подпольного горкома КП(б) Карело-Финской ССР (КФССР) – слабо освещена в отечественной литературе [1], [4], [6], [7]. Во многом это объясняется сложными перипетиями его биографии, о некоторых из них пойдет речь в данной статье. Андрей Эртэ родился в 1919 году в многодетной семье финнов-ингерманландцев в дер. Артюшкино Волосовского района Петроградской губернии (сейчас – Ленинградская область)¹. Он имел среднее специальное образование – закончил Ленинградский педагогический техникум, получив квалификацию «учитель физкультуры». В 1936 году Карельским Наркомпросом был направлен учителем в Медвежьегорский район Карелии, затем перешел на комсомольскую работу. В 1939 году в период Советско-финляндской войны (1939–1940) добровольно вступил в РККА и работал по комсомольской линии. К началу Великой Отечественной

войны занимал должность заведующего физкультурным отделом ЦК ЛКСМ КФССР².

ПОДГОТОВКА ПОДПОЛЬЩИКОВ

В начале Великой Отечественной войны Андрей Эртэ был призван в Рабоче-крестьянскую Красную армию (РККА) и, как многие партийные, советские и комсомольские работники, хорошо владевшие финским языком, направлен в спецшколу ЦК КП(б) КФССР по подготовке кадров разведчиков и подпольщиков. Данная школа первоначально находилась в местечке Шуйская Чула под Петрозаводском. В сентябре 1941 года спецшкола, так же как все государственные и партийные органы Карелии, была эвакуирована в г. Беломорск, который в период войны стал военной столицей республики.

18 февраля 1943 года Андрей Эртэ был направлен в Москву в НКВД СССР на курсы радиостов-десантников. По окончании курсов 27 июня 1943 года вернулся в Беломорск, где вновь продолжил обучение в спецшколе при ЦК КП(б) КФССР. В августе 1943 года он был зачислен

в состав Петрозаводского подпольного горкома КП(б) КФССР, в который кроме него вошли: секретарь горкома Федор Тимоскайнен – бывший заведующий отделом трудовых резервов при СНК КФССР (руководитель группы); Андрей Костин – ответственный работник Прионежского райсовета (заместитель руководителя группы); Дмитрий Луриков – инструктор орготдела ЦК ЛКСМ КФССР; Александр Камилатов – работник типографии им. П. Ф. Анохина; радистка Любовь Туманова³. В подготовке этой группы активное участие принимал первый секретарь ЦК ЛКСМ КФССР Ю. В. Андропов. На случай задержания финнами он подготовил легенды для каждого из подпольщиков и дал им псевдонимы. Эртэ получил псевдоним Рыбкин. Сам Андрей Эртэ рассказал об этом 8 апреля 1960 года на допросе в КГБ при Совете Министров Коми АССР:

«Перед выброской в тыл получил легенду от Ю. В. Андропова на случай задержания финнами. Я являюсь участником истребительного батальона и направляюсь в тыл для сбора сведений о жизни советских людей на оккупированной финнами территории. Должен называться Анатолием Рыбкиным. После задержания финнами два дня придерживался этой легенды, но был разоблачен переводчиком Михаилом Карху, перешедшим ранее на сторону финнов и знавшим меня по комсомольской работе»⁴.

Ю. В. Андропов понимал, что задачи, поставленные перед подпольной группой Ф. Тимоскайнена, связаны с огромной опасностью и риском. Об этом А. П. Эртэ в 1987 году рассказал сотруднику Карельского краеведческого музея (сейчас – Национальный музей Республики Карелия) Михаилу Данкову [5: 66].

ЗАБРОСКА В ТЫЛ ФИННОВ

Вечером 18 июля 1943 года из расположения 7-й армии с секретного полевого аэродрома в направлении Петрозаводска был направлен легкий транспортный самолет У-2 (с 1944 года – По-2), на борту которого находилась группа подпольщиков Петрозаводского горкома КП(б) КФССР, имевшая задание развернуть партийно-массовую работу среди населения на оккупированной территории в районе г. Петрозаводска, а также проводить разведку местности и изучать население с целью создания ячеек резидентуры.

В два захода, с интервалом в час, подпольщики были десантированы в ночь с 18 на 19 июля 1943 года вблизи с. Деревянное у р. Таржеполка, в 12 км от Петрозаводска. На начальной фазе операции произошла трагедия. При приземлении скончался Д. П. Луриков, у которого снесенный

ветром парашют, как отметил А. Эртэ, случайно напоролся на острую, «как карандаш», ель [5: 65]. Между тем контейнеры с продуктами на специальных грузовых парашютах благополучно достигли земли. Этого оказалось достаточно, чтобы на первое время, примерно на «две с половиной недели», подпольщики были обеспечены автономным питанием.

Первоначально спецгруппа действовала довольно успешно. Была установлена связь с надежными людьми, известными по данным информаторов из Шелтозерского и Ведлозерского подполья. Разведчики установили контакт с людьми Н. Ф. Антонова, внедренного НКВД в состав водителей гаража Военного управления Восточной Карелии. Имея запас батарей для радиации, радистка Л. Туманова, меняя место выхода в эфир, установила устойчивый радиомост с Беломорском. В центр регулярно передавались шифровки с разведывательными данными; запрашивались листовки, экземпляры газеты «Голос солдата» политуправления Карельского фронта на финском языке под редакцией Т. В. Лехена для финских офицеров и граждан [5: 66]. Во время одного из последних радиосеансов группы до ее столкновения с финнами Л. Туманова просила выслать новую партию продуктов. И действительно, в оговоренный квадрат леса, южнее с. Деревянное, на грузовых парашютах были сброшены контейнеры с продуктами, среди которых были консервы, сахар, сухари, крупа, сухофрукты и шоколад. Продукты распределили каждому по норме на две с половиной недели. Остальной запас спрятали в земляной схрон.

НЕПРЕДВИДЕННЫЙ ПРОВАЛ

Однако произошло непредвиденное. В свете разведчики не заметили, что при падении один брезентовый продуктовый мешок разорвался и сухари рассыпались «в дорожку». Оплотность оказалась роковой. Через некоторое время к месту сброса контейнера стали слетаться стаи птиц. Этого хватило, чтобы финский армейский патруль вычислил спрятанный под хвостом русский ИЗ. Во время следующего подхода к тайнику с продуктами разведчики нарвались на вооруженную засаду, в результате чего погиб руководитель группы Ф. Ф. Тимоскайнен [5: 68].

После гибели Федора Тимоскайнена группу возглавил его заместитель – Андрей Костин. Из-за отсутствия продуктов и потери двух членов группы Костин принимает решение вернуться на советскую территорию, переправившись на лодке через Онежское озеро в Пудож. Для этого он предложил взять лодку в дер. Ялгубе, ска-

зав, что там живут его родственники. Он разделил группу на две части: сам Костин вместе с Эртэ выдвинулись в район Ялгубы, а Камилатов с Тумановой должны были их ждать и, если подпольщики не вернуться, идти в Суйсарь⁵.

АРЕСТ, СУД И ФИНСКИЙ ПЛЕН

А. М. Костин и А. П. Эртэ в ночь с 18 на 19 августа 1943 года незаметно подошли к Ялгубе, у одной из бань выбрали лодку, отвязали ее и поплыли к другому берегу. Но их заметила финская охрана, открыла стрельбу и задержала разведчиков. На следующий день, 19 августа, Костина и Эртэ отправили в Петрозаводск в финскую полицию. Эртэ отмечает, что спустя четыре дня после их задержания, то есть 23 августа, в полицию был доставлен Камилатов, который рассказал, что в районе дер. Суйсарь они столкнулись с финнами: его задержали, а радистка Л. Туманова застрелилась⁶.

В тюрьме оккупированного финнами Петрозаводска с конца августа до конца октября 1943 года проходило следствие, которое осуществляла финская контрразведка. И здесь же 29 октября состоялся военно-полевой суд над подпольщиками, по которому Андрея Эртэ и Александра Камилатова приговорили к пожизненной каторге, а Андрея Костина – к расстрелу. Сам Эртэ по-разному излагал решение финского суда о расстреле Костина. В беседе с М. Данковым в 1987 году он объяснил это тем, что Костин после гибели Ф. Тимоскайна стал старшим группы, а также потому, что у него при аресте были обнаружены карты и другие документы [5: 69]. Из рассекреченного уголовного дела А. П. Эртэ следует, что на допросе в советской контрразведке 13 февраля 1945 года он заявил следователю, что Костин был расстрелян по решению финского суда потому, что он был по национальности русский⁷.

После приговора финского суда Андрея Эртэ для отбытия наказания перевезли в Центральную финскую тюрьму, которая находилась в дер. Киндасово Пряжинского района (40 км от Петрозаводска). Эта тюрьма отличалась от других мест заключения тем, что в ней содержались «неблагонадежные» для финской власти заключенные – арестованные разведчики, радисты и подпольщики, многие из которых были приговорены к пожизненному тюремному заключению. В этой тюрьме Андрей Эртэ содержался с конца октября 1943 до 20 июня 1944 года, затем в связи с июньским наступлением Красной армии в южной Карелии был эвакуирован в Финляндию, в тюрьму г. Турку, где пробыл до второй половины сентября 1944 года.

ДОПРОСЫ В ОРГАНАХ СОВЕТСКОЙ КОНТРАРАЗВЕДКИ

После выхода Финляндии из войны 19 сентября 1944 года на основании перемирия между СССР, Соединенным Королевством Великобритании и Северной Ирландии, с одной стороны, и Финляндией, с другой стороны, из Финляндии в СССР были возвращены все советские граждане (как военнопленные, так и гражданские лица), которые находились в плену. Все военнослужащие проходили проверку в специальных лагерях НКВД СССР (с 20 февраля 1945 года – проверочно-фильтрационные лагеря), в которых сотрудники военной контрразведки выясняли все обстоятельства пребывания советских граждан на оккупированной территории, прежде всего выявляли возможные факты сотрудничества с противником. Архивные документы показывают, что большая часть карельских разведчиков и подпольщиков, возвращенных по репатриации из Финляндии в СССР осенью 1944 года, проходила проверку в освобожденном от финнов г. Петрозаводске в органах карельской контрразведки. А вот Андрея Эртэ и группу разведчиков и подпольщиков, которая возвращалась с ним из Финляндии в СССР, для дальнейшей проверки отправили не в Петрозаводск, а через всю страну, в Грузию, в распоряжение Управления контрразведки (УКР) «Смерш» Закавказского фронта. Возникает вопрос: почему это произошло? Сам Андрей Эртэ в беседе с М. Данковым не ответил на этот вопрос [5: 69].

При анализе сложившейся ситуации можно выдвинуть несколько версий. Первая версия: в органах карельской контрразведки, которая осенью 1944 – весной 1945 года проводила проверку возвратившихся из финского плена карельских разведчиков и подпольщиков, служили сотрудники, многие из которых сами готовили и забрасывали этих же разведчиков и подпольщиков за линию фронта. Для объективной и независимой проверки руководством НКВД СССР было принято решение провести такую проверку в Грузии. Вторая версия: осенью 1944 года через советско-финляндскую границу в районе Выборга из Финляндии в Советский Союз возвращались сотни репатриированных военнослужащих и гражданских лиц, которые требовали проверки органов безопасности. На контрразведчиков, которые работали на северо-западе страны, легла большая нагрузка, поэтому было принято решение провести проверку возвращающихся из Финляндии лиц в УКР «Смерш» Закавказского фронта в Грузии.

Первоначально Андрей Эртэ проходил проверку в отделе контрразведки «Смерш» спецлагеря № 205 НКВД СССР в г. Ткибули. В октябре 1944 – январе 1945 года его допрашивали следователи 4-го отдела УКР «Смерш» Закавказского фронта. На первых допросах Эртэ рассказал о своей довоенной деятельности, призыве в РККА в начале войны, подготовке в спецшколе ЦК КП(б) КФССР в Беломорске и спецшколе НКВД СССР в Москве, заброске группы Ф. Тимоскайнена за линию фронта летом 1943 года⁸. Советских следователей особенно интересовало поведение подпольщика на финском следствии, прежде всего, что он говорил на допросах в финской контрразведке о задании подпольной группы Тимоскайнена в тылу противника. Значительное внимание уделялось также его поведению во время содержания в Киндасовской тюрьме на оккупированной территории Карелии и в Финляндии в тюрьме г. Турку.

5 января 1945 года на очередном допросе в 4-м отделе УКР «Смерш» Закавказского фронта на вопрос следователя капитана Касрадзе: «В чем вы признаете свою виновность», Эртэ ответил, что «признает вину в том, что, находясь в тылу противника, не выполнил задание ЦК КП(б) КФССР»⁹. Однако советская контрразведка не поверила показаниям подпольщика. 10 января 1945 года в спецлагере № 205 НКВД СССР г. Ткибули майор НКВД Алавидзе, ссылаясь на преступную деятельность Эртэ, включающую сомнительную ситуацию с его арестом финнами, антисоветскую пропаганду в Киндасовской тюрьме и другие обстоятельства, подписал «Постановление на арест», предусматривавшее избрать для Эртэ меру пресечения в виде заключения под стражу¹⁰.

Анализ рассекреченного уголовного дела Андрея Эртэ, которое только в 2025 года стало доступно для исследования, показывает, что психологическое давление следователей на непрерывных допросах привело к тому, что Эртэ стал менять свои показания и соглашаться со многими обвинениями в свой адрес. Нельзя исключать, что к Эртэ могли применяться не только угрозы, но и методы физического воздействия. Так, на допросе 16 января 1945 года в г. Тбилиси Эртэ согласился с обвинениями в преступной деятельности во время содержания в Киндасовской тюрьме. Он заявил:

«Находясь в тюрьме в Киндасово, я систематически вел антисоветскую агитационно-пропагандистскую работу, восхвалял немецкую и финскую армии, восхищался условиями жизни трудящихся в Финляндии, говорил, что дисциплина в Финской армии выше, чем в Красной Армии. СССР давно потерпел бы поражение, он дер-

жится только благодаря англо-американской помощи... Выступал с антиколхозными выступлениями, говорил, что в колхозах день и ночь работают, но колхозники умирают от голода. Но я вел эти разговоры не потому, что был против Советской власти, а с целью сохранить свою жизнь»¹¹.

В процессе следствия в Грузии следователи советской контрразведки пытались расширить круг «преступных действий» Андрея Эртэ. На допросе 24 января 1945 года следователь задал вопрос о связях подпольщика с финской полицией. Первоначально Эртэ отрицательно ответил на него, заявив, что никаких связей у него с ней нет. Но по предъявленной фотографии узнал погибшего Реймонда Матсона, с которым учился в спецшколе ЦК КП(б) КФССР¹². На этом же допросе был задан вопрос и о том, какие показания дал Эртэ финнам о спецшколе ЦК КП(б), в которой обучался до переброски в тыл финнов. Подпольщик ответил:

«Я дал правдивые показания о том, что школа была организована при ЦК КП(б) КФССР в августе 1941 г. В ней обучалось около 150 человек, а во время заброски училось 96 человек. Сообщил о преподавателях школы и о дисциплинах, которые мы изучали. Из числа знакомых назвал только участников нашей группы: Костина, Камилатова и радистку Туманову»¹³.

27 января 1945 года в г. Тбилиси на очередном допросе в 4-м отделе УКР «Смерш» Закавказского фронта Андрею Эртэ было предъявлено постановление «О предъявлении обвинения», в котором говорилось о его преступной деятельности и предлагалось привлечь его в качестве обвиняемого по статье 58-1 п. «а» УК РСФСР (измена Родине)¹⁴. На вопрос следователя, признает ли он себя виновным, подпольщик ответил, что признает полностью, только просит учесть, что вел антисоветскую пропаганду не из враждебности к СССР, а из-за желания сохранить свою жизнь. На этом же допросе Эртэ объяснил следователю, почему он на следствии в финской контрразведке признался в том, что является разведчиком. По его словам, финны нашли у Костина дневник, в котором был записан весь путь группы Тимоскайнена¹⁵.

Пять месяцев – с октября 1944 до конца февраля 1945 года – продолжались допросы Андрея Эртэ в Грузии. 28 февраля 1945 года в Тбилиси 4-м отделом УКР «Смерш» было принято постановление «О пересылке следственного дела № 262 А. П. Эртэ». В нем отмечалось:

«...Обвиняемый Эртэ А. П. совершил преступление на территории КФССР. Принимая во внимание целесообразность провести дополнительное расследование по месту совершения преступления, а также учитывая запрос НКГБ КФССР от 26 февраля 1945 г. о пере-

сылке в его распоряжение следственного дела вместе с арестованным, 4-й отдел УКР «Смерш» Закавказского фронта постановил переслать следственное дело в Петрозаводск в НКГБ КФССР одновременно с этапированием арестованного»⁶.

2 апреля 1945 года Андрея Эртэ из Тбилиси перевели в Петрозаводск и поместили во внутреннюю тюрьму НКГБ КФССР, а следственное дело передали из УКР «Смерш» Закавказского фронта в ведение НКГБ КФССР¹⁷. В Петрозаводске следственное дело было принято к производству с задачей провести ряд дополнительных следственных действий. Допросы Андрея Эртэ продолжились, только теперь их вели уже карельские контрразведчики. 18 мая 1945 года нарком госбезопасности КФССР А. М. Кузнецов утвердил «Обвинительное заключение (по следственному делу по обвинению А. П. Эртэ по ст. 58-1 «а» УК РСФСР)», в котором говорилось:

«Преступная деятельность Эртэ выражалась в том, что заброшенный за линию фронта со специальным заданием, Эртэ был задержан финской контрразведкой и расшифровал себя как советского агента, выдал всех членов группы, переброшенных вместе с ним. Он рассказал о спецшколе ЦК КП(б) КФССР и высшей спецшколе НКВД СССР, в которых обучался в 1942–1943 гг., установил контакт с представителями финской контрразведки и по представленным фотографиям выдал известных ему советских агентов Матсона и Попова. Отбывая наказание финского суда в Киндасовской тюрьме на оккупированной территории Карелии, проводил антисоветскую агитацию среди заключенных. По существу предъявленных ему обвинений Эртэ А. П. полностью признал себя виновным. На основании статьи 58-1 «а» УК РСФСР назначить меру наказания в виде 10 лет лишения свободы с отбыванием в ИТЛ НКВД СССР и направить дело для рассмотрения в ОСО при НКВД СССР»¹⁸.

Затем следственное дело было рассмотрено военным прокурором войск НКВД КФССР Смирновым, который принял решение: 1. Следственное дело по обвинению Эртэ А. П. направить на рассмотрение ОСО при НКВД СССР; 2. Меру наказания Эртэ Андрею Петровичу определить 10 лет лишения свободы с отбыванием наказания в ИТЛ НКВД СССР¹⁹. В конечном итоге следственное дело было передано в Москву в Особое совещание (ОСО) при НКВД СССР.

ИЗ ФИНСКОГО ПЛЕНА В СОВЕТСКИЙ ЛАГЕРЬ

26 декабря 1945 года прошло ОСО при НКВД СССР, которое рассмотрело дело Андрея Эртэ и вынесло решение на основании статьи 58-1 «а» УК РСФСР (измена Родине) приговорить его к 10 годам лишения свободы с отбыванием наказания в ИТЛ НКВД СССР²⁰. Андрей Эртэ от-

бывал первоначально свое наказание в ИТЛ № 1 МВД КФССР в г. Петрозаводске. До января 1949 года он работал на восстановлении Онегского завода. Сразу после вынесения приговора Эртэ начинает борьбу если не за его отмену, то за снижение срока заключения.

26 ноября 1946 года, отбывая наказание в ИТЛ № 1 г. Петрозаводска, он обращается с письмом на имя Генерального прокурора СССР. В нем он подробно излагает свою биографию до момента ареста финнами в августе 1943 года. Что касается финского заключения, то Эртэ выделяет главное – он пытался сохранить свою жизнь и не раскрыть себя как работника ЦК ЛКСМ КФССР. Он отвергает обвинение в его хорошем отношении к финнам²¹. В ответе прокуратуры было указано, что нет оснований отменить принятое ранее решение, и Эртэ было отказано в этой просьбе. Здесь же, в Петрозаводске, по его словам, он написал письмо Ю. В. Андропову и попытался объяснить сложившуюся ситуацию, но ответа не получил. Однако вскоре в инструментальном цехе Онегского завода, где трудился Эртэ, состоялась их случайная встреча, в ходе которой Эртэ обратился за помощью к Андропову [5: 69].

Но Ю. В. Андропов в 1949 году не мог оказать помощь Эртэ. Во-первых, Эртэ был осужден по обвинению в измене Родине. Любой человек, защищавший обвиненного по этой статье, сам мог быть обвинен как пособник изменнику Родины. Во-вторых, в 1949 году начинает разворачиваться кампания по подготовке «Ленинградского дела»²², угроза нависла над первым секретарем ЦК(б) КФССР Г. Н. Куприяновым, выходящем из ленинградской партийной организации. Ю. В. Андропов, бывший в то время вторым секретарем ЦК КП(б) КФССР (по существу, заместителем Куприянова), также находился в «зоне внимания». Самого Андропова от ареста спас председатель Президиума Верховного Совета КФССР О. В. Куусинен, занимавший тогда по совместительству высокий пост заместителя председателя Президиума Верховного Совета СССР. В 1951 году при содействии Куусинена Андропов был переведен на работу в Москву в аппарат ЦК ВКП(б) [3].

В 1949 году А. Эртэ для отбывания наказания был переведен из ИТЛ № 1 г. Петрозаводска в ИТЛ в пос. Инта Коми АССР. Он стал работать на шахтах комбината «Интауголь» Печорского угольного бассейна. Здесь он продолжал обращаться в высокие инстанции с просьбой пересмотреть несправедливо вынесенный, по его мнению, приговор. 7 октября 1954 года Андрей

Эртэ написал письмо Председателю Президиума Верховного Совета СССР К. Е. Ворошилову. В нем он подробно рассказал о выполнении летом 1943 года группой Ф. Тимоскайнена боевого задания за линией фронта, о том, что был захвачен группой финских моряков, предстал перед финским судом и получил наказание в виде пожизненного заключения. Вернувшись на Родину, был осужден ОСО НКВД СССР 26 декабря 1945 года на 10 лет лишения свободы в ИТЛ. Эртэ пишет:

«Если и были ошибки в моих действиях, то они не настолько значительны, чтобы получить столь суровое наказание. Прошу Вас дать указание о пересмотре дела и моей реабилитации. Сейчас работаю на шахтах Интинского комбината Печерского бассейна, выработка составляет 120–130 %»²³.

Судимость с Андрея Эртэ была снята после выхода 17 сентября 1955 года Указа Президиума Верховного Совета СССР «Об амнистии советских граждан, сотрудничавших с оккупантами в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.». К этому времени он уже отсидел почти полный срок: из 10 лет лишения свободы в ИТЛ – 9 лет и 8 месяцев. После снятия судимости Эртэ ставит задачу добиться реабилитации – полного снятия с него необоснованных, по его мнению, обвинений. Так, 22 декабря 1956 года он обращается с письмом к Военному прокурору Северного военного округа (СВО), в котором отмечает, что свое дело не читал, но ему известно, что в нем фигурируют показания трех свидетелей: один плохо о нем не говорил, а двое заявили, что он восхвалял Финляндию. Эртэ пишет, что может предоставить показания не двух, а в несколько раз больше свидетелей, которые подтвердят его безупречное поведение. А что касается следствия, то он подписывал все, лишь бы поскорее закончились непрерывные допросы²⁴.

РЕАБИЛИТАЦИЯ

Решающую роль в процессе реабилитации подпольщика А. Эртэ сыграл первый секретарь ЦК ЛКСМ Карелии в годы Великой Отечественной войны, один из руководителей подпольного и партизанского движения в республике Ю. В. Андропов. В январе 1960 года из г. Инта (пос. Инта получил статус города в 1957 году) Коми АССР машинист подъема шахты № 2 комбината «Интауголь» Андрей Петрович Эртэ направил письмо в Москву заведующему отделом ЦК КПСС Ю. В. Андропову, в котором писал:

«Прошу Вас помочь мне в реабилитации. Я известен Вам по совместной работе в аппарате ЦК ЛКСМ КФССР.

Вы лично отправляли меня на спецзадание в июне 1943 г... Меня обвинили в антисоветской деятельности, но я говорил, что в Финляндии неплохие дороги, крестьяне имеют подсобное хозяйство и др. ... Меня необоснованно осудили на 10 лет лишения свободы...»²⁵.

Ю. В. Андропов не в силах был помочь в реабилитации Эртэ в условиях сталинского режима в конце 1940-х годов, но он смог это сделать в 1960 году. Во-первых, в стране изменилась ситуация: в период хрущевской оттепели, особенно после XX съезда КПСС, шел процесс реабилитации жертв политических репрессий, пересматривались десятки тысяч дел невинно репрессированных людей; во-вторых, и сам Андропов был уже не одним из региональных руководителей, а занимал важный пост в центральном аппарате ЦК КПСС.

Роль Андропова в реабилитации Эртэ подтверждается событиями, произошедшими сразу после письма подпольщика в его адрес. Само письмо Эртэ было направлено Андропову в январе 1960 года, а уже в начале февраля этого года Следственное управление КГБ при Совете Министров (СМ) СССР начинает проверку «Уголовного дела А. П. Эртэ». Оно направляет это дело в Петрозаводск в КГБ при Совете Министров Карельской АССР (КАССР). Кроме того, в апреле 1960 года к процессу проверки «Уголовного дела А. П. Эртэ», которую в Петрозаводске проводил КГБ при СМ КАССР, был подключен и КГБ при СМ Коми АССР. Дело в том, что Андрей Эртэ в это время проживал в г. Инта. 8 апреля 1960 года он был вызван в г. Сыктывкар на допрос в КГБ при СМ Коми АССР, на котором показал, что перед выброской в тыл финнов получил от Ю. В. Андропова легенду на случай задержания. После ареста финнами два дня придерживался этой легенды, но был разоблачен переводчиком Михаилом Карху, перешедшим ранее на сторону финнов и хорошо знавшим его по комсомольской работе. Также на допросе Эртэ заявил, что на финском следствии он рассказал о его заброске в тыл финнам только по линии ЦК КП(б) КФССР, а показаний по спецшколе НКВД СССР (Москва) и спецшколе ЦК КП(б) КФССР он не давал. В силу этих обстоятельств Эртэ просил пересмотреть следственное дело и реабилитировать его²⁶.

В течение марта – апреля 1960 года следователи следственного отделения КГБ при СМ КАССР провели тщательную проверку архивно-следственного дела № 5286 А. П. Эртэ. В ходе нее было установлено, что А. П. Эртэ обвинялся в том, что, будучи направленным 19 июля 1943 году в составе группы из шести человек

со специальным заданием ЦК КП(б) КФССР за линию фронта и оказавшись в руках врага, на допросах в финской контрразведке назвал всех участников группы, сообщил финнам о спецшколах ЦК КП(б) КФССР и НКВД СССР. Находясь в финском заключении, выдал известные ему данные о советских разведчиках Попове и Матсоне, которых опознал по фотографиям, а также в Киндасовской тюрьме систематически проводил антисоветскую агитацию. Все эти обвинения были основаны на показаниях самого Эртэ, данных в ходе предварительного расследования, и частично на показаниях свидетелей – Яухопя Павла Ивановича, Лейно Реймонда Александровича, Вьясанена Альберта Викторовича, Хаатая Тауно Михайловича, Сундфорса Хуго Хуговича, Вешкельской Александры Ивановны, Камилатова Александра Васильевича и других. При этом именно Александр Камилатов дал самую важную информацию следователям, так как лучше всех знал Андрея Эртэ. Он познакомился с ним в январе 1943 года в спецшколе ЦК КП(б) КФССР, они вместе были заброшены за линию фронта в группе Федора Тимоскайнена, оба были арестованы финнами и осуждены финским судом к пожизненному заключению, вместе сидели в Киндасовской тюрьме на оккупированной финнами территории Карелии, а затем были отправлены в Финляндию в тюрьму г. Турку. Камилатов и Эртэ также вместе возвратились из Финляндии в СССР и проходили проверку в органах советской контрразведки.

Проверкой было установлено, что в ходе предварительного расследования в 1945 году в органах советской контрразведки Эртэ утверждал, что на следствии у финнов умалчивать о себе, о составе группы и ее задачах он считал бесполезным, так как финнам все было известно из дневника, изъятого у Костина, которого задержали вместе с Эртэ. Это утверждение нашло подтверждение в показаниях Камилатова, который в своем отчете в ЦК КП(б) КФССР сразу после возвращения из плена указал: «О нашей группе финнам было известно из дневника, который вел Костин. Там у него было все записано от начала подготовки до момента, когда его поймали»²⁷. В рамках проверки следователями следственного отделения КГБ при СМ КАССР было установлено, что одно из обвинений в отношении Эртэ заключалось в том, что он, находясь в плену, установил связь с финской контрразведкой и выдал известных ему разведчиков – Матсона и Попова, опознав их по фотографиям. Данное обвинение было основано на показаниях двух свидетелей – Т. М. Хаатая и В. И. Вайнио. Прав-

доподобность этих показаний, по мнению следователей, вызывает сомнения. На допросах в качестве обвиняемого по своему делу Хаатая показаний в отношении Эртэ не давал. Вайнио по делу Эртэ вообще не допрашивался, а будучи арестованным по другому делу, также никаких показаний о нем не давал. Никаких других доказательств о выдаче Эртэ финнам советских разведчиков в материалах дела не имеется. Сам Эртэ на допросах в настоящее время свою связь с финской контрразведкой не подтвердил²⁸.

Одним из главных обвинений в отношении подпольщика была его антисоветская деятельность среди заключенных в Центральной финской тюрьме в дер. Киндасово Пряжинского района. В рамках проверки были допрошены свидетели по уголовному делу А. П. Эртэ, которые вместе с ним отбывали наказание в Киндасовской тюрьме. Но во время проверки одни свидетели (Хуго Хугович Сундфорс, Александра Ивановна Вешкельская, Альберт Викторович Вьясанен) заявили, что вообще не знают и не помнят Андрея Эртэ, другие (Павел Иванович Яухопя и Реймонд Александрович Лейно) показаний против Эртэ не дали, а Александр Васильевич Камилатов вообще дал ему положительную характеристику²⁹. На допросах, проведенных во время проверки А. Эртэ, он не подтвердил антисоветскую деятельность во время своего пребывания в Центральной финской тюрьме в дер. Киндасово Пряжинского района.

На основании материалов проверки, проведенной следственным отделением КГБ при СМ КАССР, 4 мая 1960 года Председатель КГБ при СМ КАССР К. М. Обухов утвердил «Заключение по архивно-следственному делу № 5286 А. П. Эртэ», в котором было отмечено, что Эртэ был осужден без достаточных доказательств, подтверждающих его вину. К. М. Обухов принял решение возбудить ходатайство перед Главным военным прокурором СССР А. Г. Горским о внесении протеста на предмет отмены постановления ОСО при НКВД СССР от 26 декабря 1945 года в отношении А. П. Эртэ и прекращении на него дела на основании ст. 204 п. «б» УПК РСФСР³⁰. Военный прокурор СССР поддержал это ходатайство и внес в Военный трибунал Московского округа Протест (в порядке надзора) по делу А. П. Эртэ. В нем он просил постановление ОСО при НКВД СССР от 26 декабря 1945 года в отношении А. П. Эртэ отменить и дело о нем прекратить за отсутствием состава преступления³¹. Последнюю точку в длительном процессе борьбы А. П. Эртэ за снятие с него обвинений и полной реабилитации поставил Во-

енный трибунал Московского военного округа. 14 мая 1960 года он принял «Определение», в котором отмечалось:

«...Ссылаясь на материалы уголовного дела Эртэ А. П. и осуществленной по нему проверки, Главный военный прокурор СССР пришел к выводу о необоснованности репрессий в отношении Эртэ А. П. Проверив материалы дела и соглашаясь с протестом Главного военного прокурора СССР, Военный трибунал Московского военного округа определил: Постановление ОСО при НКВД СССР от 26 декабря 1945 г. в отношении Эртэ А. П. отменить и дело о нем прекратить на основании отсутствия в нем состава преступления»³².

Справедливость наконец-то восторжествовала. Однако, чтобы ее добиться, Андрею Петровичу Эртэ пришлось пройти долгий и тяжелый путь, отбывая наказание сначала в финском плену, а затем в советских ИТЛ.

ДВА ЭРТЕ

В современной литературе, посвященной разведывательно-диверсионной и подпольной деятельности на оккупированной финнами территории Карелии в годы Великой Отечественной войны, существует путаница с фамилией Эртэ. Иногда подпольщика Андрея Петровича Эртэ путают с бойцом спецотряда НКВД КФССР Александром Петровичем Эрте(э). Александр Эрте в годы войны в составе спецгрупп НКВД КФССР совершил несколько боевых ходок в тыл финских войск, в том числе и в спецгруппах легендарного разведчика Алексея Михайловича Орлова в оккупированный финнами Заонежский район [2: 18].

Полученный боевой опыт работы в тылу противника Александр Эрте с успехом использовал в мае – июне 1944 года, когда он в составе спецгруппы «Дублеры» (в нее также входила боец спецотряда НКВД КФССР Мария Котчиева, ставшая впоследствии женой и верной подругой Александра Петровича) был заброшен в оккупированный финнами Ведлозерский район республики [8: 152]. Почти два месяца группа поставляла разведбату Карельского фронта ценную информацию о финских подразделениях на территории Ведлозерского района. Однажды разведчики оказались на грани провала и лишь случайность спасла Александра Эрте и Марию Котчиеву от ареста финнов.

Жизнь и судьба сотрудника НКВД КФССР Александра Эрте, в том числе и его деятельность в годы Великой Отечественной войны, подробно освещается в книге ветерана МВД Карелии А. В. Печникова «Я – ингерманландец: о бойце спецподразделения НКВД Карело-Финской ССР Александре Петровиче Эрте» [8]. Автор книги выдвигает гипотезу, что у Александра Петро-

вича Эрте был второй дублер. В качестве ее подтверждения он ссылается на исследование финского военного историка Хельге Сеппяля «Финляндия как оккупант в 1941–1944 годах» (журнал «Север». 1995. № 4, 5, 6), а также на информацию одной из архивно-справочных служб, которая выдала ему справку: «Эрте Александр Петрович, 1921 г. р., уроженец Ленинградской области, боец спецотряда НКВД КФССР с февраля 1943 года был пленен, возвратился из плена в июле 1944 года» [8: 143].

На основании этого Анатолий Печников выдвигает две версии:

«Первая – это не однофамильцы. Полные установочные данные бойца спецотряда НКВД КФССР А. П. Эрте могли стать кодом для другого разведчика. Это был дублер настоящего Эрте. Вторая – это был реальный человек – другой Эрте. Однако это сути не меняет. Бесспорно одно – дублер был» [8: 143].

Анализ фактического материала показывает несостоятельность аргументов А. В. Печникова. Во-первых, Хельге Сеппяля в своей работе, говоря о заброшенной разведгруппе в район Петрозаводска в июле 1943 года, не указывает имя и отчество Эрте. Документально установлено, что это был не разведчик НКВД Александр Петрович Эрте, а подпольщик Андрей Петрович Эртэ. Во-вторых, в выданной архивной справке допущены серьезные ошибки. Александр Петрович Эрте в плену не был и, тем более, не мог возвратиться из плена в июле 1944 года, когда еще шла война с Финляндией. В данном случае речь идет о двух разных людях: подпольщике Андрее Петровиче Эртэ и разведчике Александре Петровиче Эрте(э).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Деятельность подпольной группы Федора Тимоскайнена в тылу финских войск отражает суть подпольного движения на оккупированной территории Карелии. Подпольщики демонстрировали героизм и мужество в борьбе с серьезным противником, но и несли тяжелые потери. Член этой группы Андрей Эртэ испытал все сложности подпольной деятельности: тяжелая работа за линией фронта, арест и осуждение финским судом на пожизненное заключение, финский плен. После возвращения в СССР он был осужден уже советским судом за измену Родине на десять лет исправительно-трудовых лагерей. Реабилитирован был только в 1960 году. Несмотря на все трудности, Андрей Эртэ проявил стойкость, преодолел все невзгоды судьбы, перешагнул несправедливость и обиды и остался патриотом своей Родины.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Архив Управления Федеральной службы безопасности России по Республике Карелия (далее – Архив УФСБ России по РК). Ф. 8.2. Д. П – 10041. Уголовное дело Эртэ А. П. Л. 5 об., 6.
- ² Архив УФСБ России по РК. Ф. 8.2. Д. П – 10041. Л. 95.
- ³ Архив УФСБ России по РК. Ф. 8.2. Д. П – 10041. Л. 18 об.
- ⁴ Архив УФСБ России по РК. Ф. 8.2. Д. П – 10041. Л. 118 об., 119.
- ⁵ Архив УФСБ России по РК. Ф. 8.2. Д. П – 10041. Л. 12.
- ⁶ Архив УФСБ России по РК. Ф. 8.2. Д. П – 10041. Л. 12 об., 13.
- ⁷ Архив УФСБ России по РК. Ф. 8.2. Д. П – 10041. Л. 33.
- ⁸ Архив УФСБ России по РК. Ф. 8.2. Д. П – 10041. Л. 9–12.
- ⁹ Архив УФСБ России по РК. Ф. 8.2. Д. П – 10041. Л. 13–13 об.
- ¹⁰ Архив УФСБ России по РК. Ф. 8.2. Д. П – 10041. Л. 1, 1 об.
- ¹¹ Архив УФСБ России по РК. Ф. 8.2. Д. П – 10041. Л. 14.
- ¹² Архив УФСБ России по РК. Ф. 8.2. Д. П – 10041. Л. 16.
- ¹³ Архив УФСБ России по РК. Ф. 8.2. Д. П – 10041. Л. 17.
- ¹⁴ Архив УФСБ России по РК. Ф. 8.2. Д. П – 10041. Л. 21.
- ¹⁵ Архив УФСБ России по РК. Ф. 8.2. Д. П – 10041. Л. 31 об., 32.
- ¹⁶ Архив УФСБ России по РК. Ф. 8.2. Д. П – 10041. Л. 57, 57 об.
- ¹⁷ Архив УФСБ России по РК. Ф. 8.2. Д. П – 10041. Л. 57.
- ¹⁸ Архив УФСБ России по РК. Ф. 8.2. Д. П – 10041. Л. 67, 68.
- ¹⁹ Архив УФСБ России по РК. Ф. 8.2. Д. П – 10041. Л. 74.
- ²⁰ Архив УФСБ России по РК. Ф. 8.2. Д. П – 10041. Л. 147.
- ²¹ Лейно Реймонд Александрович и Яухоя Павел Иванов на предварительном следствии выступили свидетелями по делу Эртэ.
- ²² «Ленинградское дело» – серия судебных процессов в СССР в конце 1940-х – начале 1950-х годов против партийных и государственных руководителей, в основном связанных с г. Ленинградом и ленинградскими областными и городскими комитетами ВКП(б).
- ²³ Архив УФСБ России по РК. Ф. 8.2. Д. П – 10041. Л. 79–80.
- ²⁴ Архив УФСБ России по РК. Ф. 8.2. Д. П – 10041. Л. 89 об.
- ²⁵ Архив УФСБ России по РК. Ф. 8.2. Д. П – 10041. Л. 98.
- ²⁶ Архив УФСБ России по РК. Ф. 8.2. Д. П – 10041. Л. 118, 119.
- ²⁷ Архив УФСБ России по РК. Ф. 8.2. Д. П – 10041. Л. 149.
- ²⁸ Архив УФСБ России по РК. Ф. 8.2. Д. П – 10041. Л. 149, 150.
- ²⁹ Архив УФСБ России по РК. Ф. 8.2. Д. П – 10041. Л. 102–112.
- ³⁰ Архив УФСБ России по РК. Ф. 8.2. Д. П – 10041. Л. 151.
- ³¹ Архив УФСБ России по РК. Ф. 8.2. Д. П – 10041. Л. 154.
- ³² Архив УФСБ России по РК. Ф. 8.2. Д. П – 10041. Л. 156.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Авдеев С. С. Два Эртэ – подпольщик и разведчик (историографический обзор) // Исторические чтения на ул. Андропова, 5. История органов безопасности: Материалы IX науч. конф., посвящ. 80-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. (18–19 сентября 2025 г., Петрозаводск). Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2026. С. 241–249.
2. Авдеев С. С. Деятельность советских спецслужб на Карельском фронте в тылу противника (1941–1944 гг.) // Карелия в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: Материалы республиканской науч.-практ. конф., посвящ. 55-летию Победы в Великой Отечественной войне. Петрозаводск: Изд-во КарНЦ РАН, 2001. С. 9–22.
3. Васильев Ю. А. Андропов на пути к власти. М.: Вече, 2018. 416 с.
4. Веригин С. Г. Противостояние: борьба советской контрразведки против финских спецслужб 1939–1944. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2018. 279 с.
5. Данков М. Я – Андрей Эртэ // Север. 2021. № 9–10. С. 64–71.
6. Парфенов Ж. П., Ю. В. Андропов и Г. Н. Куприянов – кто руководил подпольем Карело-Финской ССР? // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2024. Т. 46, № 8. С. 112–115. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1117
7. Парфенов Ж. П. Деятельность спецшколы ЦК КП(б) КФССР в годы Великой Отечественной войны // Карелия – приграничный регион России в XX–XXI веках: Карелия в годы Второй мировой войны: на встречу 75-летней годовщине освобождения Карелии: Сб. докладов междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию образования карельской государственности (7–8 июня 2019 г., Петрозаводск). Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2020. С. 181–186.
8. Печников А. В. Я – ингерманландец: о бойце спецподразделения НКВД Карело-Финской ССР Александре Петровиче Эрте. Петрозаводск: Периодика, 2020. 152 с.

Поступила в редакцию 12.01.2026; принята к публикации 09.02.2026

Original article

Sergei G. Verigin, Dr. Sc. (History), Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)
verigin@petrsu.ru

FROM THE HISTORY OF KARELIAN UNDERGROUND: THE FATE OF ANDREI ERTE

Abstract. This article about Andrei Petrovich Erte, a member of the underground Petrozavodsk City Committee of the Communist Party (Bolsheviks) of the Karelo-Finnish Soviet Socialist Republic, is based on archival documents from the Archives of the Directorate of the Federal Security Service of Russia for the Republic of Karelia, many of which were declassified only in 2025 and introduced into scholarly circulation by the author for the first time. The main focus is on the infiltration of a group of underground fighters behind front lines, the arrest of Andrei Erte and his comrades by Finnish soldiers, the trial of the underground fighters, and their serving of sentences in Finnish prisons in occupied Karelia and in Finland during 1943 and 1944. The article examines the reasons why, after returning to his homeland in the fall of 1944, Andrei Erte was convicted by a Soviet court and served his sentence in the GULAG correctional labor camps of the NKVD of the USSR. Based on a thorough analysis of archival documents, the author substantiates the thesis that Yury Vladimirovich Andropov, First Secretary of the Central Committee of the Leninist Young Communist League of the Karelo-Finnish Soviet Socialist Republic during the Great Patriotic War, played a decisive role in the rehabilitation of this underground activist in 1960 and the acquittal of treason charges against him. The article makes a significant contribution to the Russian historiography of domestic intelligence services during the Great Patriotic War.

Keywords: Andrei Erte, underground fighter, Great Patriotic War, Karelian Front, Soviet intelligence, Finnish counterintelligence

For citation: Verigin, S. G. From the history of Karelian underground: the fate of Andrei Erte. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2026;48(2):28–37. DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1277

REFERENCES

1. Avdeev, S. S. Two Ertes – an underground fighter and an intelligence officer (historiographic review). *Historical Readings on Andropov Street, 5. The history of security agencies: Proceedings of the IX scientific conference dedicated to the 80th anniversary of the Victory in the Great Patriotic War of 1941–1945 (18–19 September 2025, Petrozavodsk)*. Petrozavodsk, 2026. P. 241–249. (In Russ.)
2. Avdeev, S. S. Activities of Soviet special services on the Karelian Front in the enemy's rear (1941–1944). *Karelia in the Great Patriotic War of 1941–1945: Proceedings of the republican scientific and practical conference dedicated to the 55th anniversary of the Victory in the Great Patriotic War*. Petrozavodsk, 2001. P. 9–22. (In Russ.)
3. Vasilyev, Yu. A. Andropov on his way to power. Moscow, 2018. 416 p. (In Russ.)
4. Verigin, S. G. Confrontation: the struggle of Soviet counterintelligence against Finnish special services, 1939–1944. Petrozavodsk, 2018. 279 p. (In Russ.)
5. Dankov, M. I. Andrei Erte. *Sever*. 2021;9-10:64–71. (In Russ.)
6. Parfenov, Zh. P. Who led the resistance movement in the Karelo-Finnish Soviet Socialist Republic – Yury Andropov or Gennady Kupriyanov? *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2024;46(8):112–115. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1117 (In Russ.)
7. Parfenov, Zh. P. The activities of the Special School of the Central Committee of the Communist Party (Bolsheviks) of the Karelian Autonomous Soviet Socialist Republic during the Great Patriotic War. *Karelia – a border region of Russia in the XX and XXI centuries: Karelia during World War II: approaching the 75th anniversary of the liberation of Karelia: Proceedings of the international scientific and practical conference dedicated to the 100th anniversary of the formation of Karelian statehood (7–8 June 2019, Petrozavodsk)*. Petrozavodsk, 2020. P. 181–186. (In Russ.)
8. Pechnikov, A. V. I am an Ingrian: about Alexander Petrovich Erte, a member of the NKVD special unit of the Karelo-Finnish Soviet Socialist Republic. Petrozavodsk, 2020. 152 p. (In Russ.)

Received: 12 January 2026; accepted: 9 February 2026